

Владимир
СОЛОУХИН

На самом деле ничего странного в этом нет. К этому времени Ленина, по-моему, не очень-то заботила лояльность к большевистскому режиму какого-нибудь отдельного интеллигента. В конце концов уже находились в эмиграции и вовсе не были лояльны к большевикам десятки русских интеллигентов (Бунин, Куприн, Мережковский, Ив. Шмелев, Шалапин, Цветаева), и от их нелояльности большевистский режим не рухнул. Выиграна гражданская война, бояться было уже нечего. Не случайно легко и без проблем выпустили и Ходасевича, и два десятка упомянутых нами ученых-философов. Почему же Ленин испугался нелояльности Блока и запрос о нем послал не в Наркомздрав, а Менжинскому? (Хотя без всяких запросов мог бы лишь оровью повести или мизинцем пошевелить — и Блок немедленно оказался бы за границей.) ПОТОМУ ЧТО БОЛЕЗНЬ БЛОКА ПРОХОДИЛА ПО ВЕДОМСТВУ МЕНЖИНСКОГО. Другого объяснения этому не найти. Только поэтому Владимир Ильич послал ему записку: «Ваш отзыв? Верните, пожалуйста, с отзывом». Что же в ответ на слезную просьбу жены поэта, на настойчивые просьбы Горького и Луначарского, на заключение консилиума врачей предлагает Менжинский? Создать для Блока хорошие условия где-либо в санатории в пределах России. Хотя Менжинский лучше, чем кто-либо другой, знает, что такого санатория тогда в пределах России не было и быть не могло. Важно было не выпускать Блока за границу.

Ходатайство Горького и Луначарского рассматривалось на Политбюро (1) 12 июля. Под председательством В. И. Ленина. Решили: за границу Блока не выпускать.

Я надеюсь, что люди, читающие эти строки, уже догадываются, чего боялись Менжинский и Ленин, а вслед за ними, возможно, лишь идя у них на поводу, и члены Политбюро. Не нелояльности Блока, не его выздоровления. Полагаю, Менжинский и Ленин знали, что Блок не выздоровеет, что дни его сочтены. Они, как вы, наверное, догадываетесь, боялись, что европейские медики ПОСТАВЯТ ПРАВИЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ И ОБНАРУЖАТ И ОБЪЯВЯТ ВСЕМУ МИРУ, ЧТО БЛОК ОТРАВЛЕН. Это единственное реальное объяснение чудовищному решению Политбюро не пускать Блока за границу и вообще всей этой волоките и проволочке, которую В. Радзишевский назвал канцелярским убийством. Убит Блок был раньше, за несколько месяцев до самого факта смерти, а проволочка понадобилась, чтобы довести начатое до конца и чтобы спрятать концы.

Луначарский мог быть не посвященным в чекистскую (всего лишь нарком просвещения) тайну болезни Блока, поэтому и приставал со своими ходатайствами, поэтому и послал в ЦК после чудовищного решения Политбюро возмущенное письмо: «Высоко даровитый Блок умрет недели через две... и тот факт, что мы уморили талантливейшего поэта России, не будет подлежать никакому сомнению и никакому опровержению». ЧК, видимо, зорко следило за течением болезни Блока. И когда Блок впал уже в забытие и уже не мог самостоятельно уехать в Финляндию, а Любовь Дмитриевну надо было еще оформить для этой поездки, а к тому же «затерялись» в Москве ее анкеты и получился дополнительная проволочка, разрешение на выезд было издательски дано. Но выехал Александр Александрович не в Финляндию, а на Смоленское кладбище.

Хоронили его в день Смоленской Божией Матери. «А Смоленская нынче Имениница», — напишет Анна Ахматова. Смоленское кладбище находится на Васильевском острове. Церковь Смоленской Божией Матери (именно иконой Смоленской Божией Матери обносили русские войска перед Бородинским сражением), кладбище зеленое, похожее чем-то на парк. И правда, там любят гулять матери с детьми. Не его ли имела перед мысленным взором Анна Андреевна, когда писала:

Да ходить на кладбище
в поминальный день,
Да смотреть на белую
Божью сирень.

На этом кладбище похоронена Блаженная Ксения, высокочтимая петербургская святая, на этом кладбище «групповая» могила петербургских священнослужителей, заживо закопанных большевиками в 1918 (или 19-м) году. Вот так называвшаяся «дорожка Блока» в отдаленный, укромный

Многие имена первой величины, составлявшие то, что мы называем русской культурой, не «вписывались», не могли «вписаться» в послереволюционную большевистскую систему. Некоторые из них сумели избежать железных зубов этой системы: Бунин, Куприн, Мережковский, Шалапин, Рерих, Рахманинов, Цветаева, Сомов, Иван Шмелев... Оставшиеся, как правило, погибли.

ПОХОРОНЯТ, ЗАРОЮТ ГЛУБОКО...

Некоторые соображения в связи с необъясненной смертью Александра Блока

уголок кладбища, где находился простой зеленый холмик с простым деревянным крестом.

*Похоронят, зарюют глубоко,
Бедный холмик травой зарастет,
И услышим: высоко, далеко.
На земле где-то дождик идет.
Ни о чем уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем, если кезромок — там осень,
Если бурно — там, значит, весна...*

Так все и было: бедный холмик зарос травой, храня под собой останки великого поэта и, возможно, страшную тайну его смерти.

— ПОСТОЙ, постой, — заговорил мой приятель, начитавшийся криминальных романов, которые мы называем детективами. — Но ведь это нетрудно установить. В останках Наполеона, в частности в останках его волос, сколько лет спустя нашли признаки мышьяка, что говорило о том, что его медленно и верно отравляли на острове Святой Елены. Ускоряли его кончину. Помогли умереть. Даже в земле, смывавшейся с прахом покойника, можно путем тонких анализов определить присутствие яда. Конечно, добиться эксгумации праха Блока не так-то просто...

— Ты опоздал со своей идеей. Дело в том, что прах Блока из могилы уже изъят и перевезен на другое кладбище.

— Зачем? Почему?..

— А вот это никому неизвестно. Предлог был такой, что Смоленское кладбище собираются закрывать и ликвидировать. Ну и, дескать, заблаговременно... Однако прошло уже 48 лет, а кладбище продолжает существовать как ни в чем не бывало. Вопиющая неэтичность этого поступка состояла не только в том, что потревожили прах Блока, его деда, его бабушки, его матери, сестры его матери Марии Андреевны Бекетовой, жены Любови Дмитриевны, но и в том, что для нового размещения этих останков (а при перевозке их в железном ящике легко ведь все перепутать, а то и подменить), очистили склеп (то есть выкинули из него гробы баронов Швахенгейм). Да, это был семейный склеп баронов Швахенгейм, Советский человек, обездуховленный и, скажем точнее, обезчеловеченный за десятилетия большевистской обработки, может воскликнуть: «Подумаешь, какие-то бароны!» Но разве сам Блок, все его родные не возмущались бы этой вандалской акцией? И зачем Блокам лежать теперь в семейном склепе баронов Швахенгейм?

Похороны
Александра
Блока.
10 августа
1921 года.

Фото из архива
музея-квартиры
А. А.
Блока в С.-Петербурге.

подробнее. Это тем легче сделать, что в книге «Воспоминания» Надежда Яковлевна Мандельштам посвятила Ларисе Михайловне целую главу под названием «Женщина русской революции». Предоставим слово Надежде Яковлевне:

«Она... принадлежала к стану победителей. О. М. (Осип Мандельштам.— В. С.) рассказывал, что Раскольников с Ларисой жили в голодной Москве по-настоящему роскошно — особняк, слуги, великолепно сервированный стол... Своему образу жизни Лариса с мужем нашли соответствующее оправдание: мы строим новое государство, мы нужны, наша деятельность — созидательная, а потому было бы лицемерием отказывать себе в том, что всегда достается людям, стоящим у власти...

Со слов О. М. я запомнила следующий рассказ о Ларисе: ...понадобилось арестовать каких-то военных, кажется, адмиралов, военспецов, как их тогда называли. Раскольниковы вызвались помочь в этом деле: они пригласили адмиралов к себе; те явились откуда-то с фронта или из другого города. Прекрасная хозяйка угощала и занимала гостей, и чекисты их накрыли за завтраком без единого выстрела. Спелация эта действительно была опасной, но она прошла гладко благодаря ловкости Ларисы, заманившей людей в западню... Лариса была способна на многое... Все, кого Лариса знала, когда была профессорской дочкой, издававшей нелепый журналчик и ходившей в гости к поэтам с первыми пробами нелепых стихов, и потом, когда пыталась стать «женщиной русской революции», погибли, не прожив своей жизни. Она была красавица тяжелой и эффектной германской красотой. В Кремлевской больнице, где она умирала, при ней дежурила ее мать, покончившая самоубийством сразу же после смерти дочери. Мы так не привыкли к естественной смерти от болезни, что мне не верится; неужели обыкновенный тиф мог унести эту полную жизни красавицу? Противоречивая, необузданная, она заплатила ранней смертью за все свои грехи...» (Н. Я. Мандельштам. «Воспоминания». Книга первая, стр. 117—118. Париж, «ИМКА-пресс», 1982).

И нам не верится, — согласимся мы с Надеждой Яковлевной. Кроме того, часто ли родители кончали самоубийством сразу же после смерти детей? Не в первый ли раз я слышу о таком случае? И вообще, не знаю, что как, а я, на мой слух, слышу в словах Надежды Яковлевны разлитый намек, подтекст. Ведь дочь могла многое рассказать матери перед смертью. Или кто-нибудь подозревал, что она рассказала. Все это, конечно, не предположение, не гипотеза, но лишь информация, наводящая на размышление. Есть у мафии такое понятие — чистка. После убийства многие месяцы, а то и годы идет планомерное уничтожение всех, кто хоть что-нибудь знает, не говоря уж об участниках, прямых или косвенных. Как-то мы пропускаем мимо сознания, что убийство Кеннеди, например, повлекло за собой исчезновение при разных обстоятельствах более 120 человек. А тут и всего-то дочка с матерью. Пишет же Надежда Яковлевна в той же главе о «женщине русской революции»: «Люди, строившие новый мир, яростно доказывали, что все законы, вроде «Не убий», сплошное лицемерие и ложь».

Гонорар за эту публикацию автор перечисляет в Фонд «Литературной России».